

очень высокий тип женской красоты и женских душевных качеств, и с этим типом не могут равняться наши русские женщины...» (23, 88).⁸⁵ Легкомысленное мнение, всеконечно, страстно опровергается (явственно звучит один из мотивов будущей Пушкинской речи — указывается на «идеалы наших поэтов» — героинь Пушкина, Тургенева, Льва Толстого), предполагается даже, что «должен существовать такой естественный закон в народах и национальностях, по которому каждый мужчина должен по преимуществу искать и любить женщин в своем народе и в своей национальности» (23, 89). Имя автора брошюры не называется, но говорится, что он «холостой человек» — иронический укол и фельетонный прием: в сущности, имя автора секрет полишинеля.

Сюжет, казалось бы, исчерпан, мнение опровергнуто, русская женщина возведена на пьедестал. Однако гнев Достоевского только еще начал пробуждаться. Он перебирает в памяти другие высказывания и поступки Страхова, раздражавшие его черты личности критика. И вот уже набросан весьма нелестный портрет Страхова как литератора-семинариста.

Это памфлетный портрет, начертанный в резкой обличительной манере раздраженной рукой. «Пироги жизни наш критик очень любил и теперь служит в двух видных в литературном отношении местах, а в статьях своих говорил *обиняком*, по поводу, кружил кругом, не касаясь сердцевины. Литературная карьера дала ему 4-х читателей, я думаю, не больше, и жажду славы. Он сидит на мягком, кушать любит индеек, и не своих, а за чужим столом. В старости и достигнув двух мест, эти литераторы, столь ничего не сделавшие, начинают вдруг мечтать о своей славе и потому становятся необычно обидчивыми и взыскательными. Это придает уже вполне дурацкий вид, и еще немного, они уже переделываются совсем в дураков — и так на всю жизнь. Главное в этом славолубии играют роль не столько литератора, сочинителя трех-четырех скучненьких брошюрок и целого ряда обиняковых критик по поводу, напечатанных где-то и когда-то, но и два казенные места. Смешно, но истина. Чистейшая семинарская черта. Происхождение никуда не спрячешь. Никакого гражданского чувства и долга, никакого негодования к какой-нибудь гадости, а напротив, он и сам делает гадости; несмотря на свой строго нравственный вид, втайне сладострастен и за какую-нибудь жирную грубо-сладострастную пакость готов продать всех и всё, и гражданский долг, которого не ощущает, и работу, до которой ему всё равно, и идеал, которого у него не бывает, и не потому, что он не верит в идеал, а из-за грубой коры жира, из-за которой не может ничего чувствовать. Я еще больше потом поговорю об этих литературных типах наших, их надо обличать и обнаруживать неустанно» (24, 240).

В портрете много несправедливого, карикатурного, преувеличенного.⁸⁶ Правда, Достоевский в письмах (и, разумеется, в разговорах) неоднократно отзывался с неудовольствием о стиле критических работ Страхова, но никогда

⁸⁵ Достоевский круто прерывает цитату, может быть не желая приводить особенно задевших его слов критика: «Что будет из русской женщины? Даст ли она миру новый образец красоты человеческой природы или же останется примером бесцветности и, пожалуй, какой-нибудь нравственной уродливости?»

⁸⁶ Так, Б. В. Никольский пишет об аскетизме и равнодушии Страхова к комфорту: «Комфорт, удовольствия и удобства жизни для него, можно сказать, не существовали; он заменял их только редкой чистотой, аккуратностью и порядком. В его дом вы входили как в келлию какого-нибудь монастырского библиотекаря: портреты хозяина, подаренные ему на память художниками, портреты и бюсты двух, трех писателей, две-три картинки, дорогие, как воспоминания детства, и полки с книгами: вот вся его обстановка. Несколько стульев предназначалось для гостей; остальная мебель допускалась лишь как прибор для помещения книг» (Никольский Б. В. Биография Н. Н. Страхова // Исторический вестник. 1896. № 4. С. 218—219).